Я ТРАНЗИТНЫМ
ЭШЕЛОНОМ
ПРОЛЕЧУ
ЧЕРЕЗ ВЕКА
ОСТАВЛЯЯ
ЗА СОБОЮ
ТОЛЬКО
МНЕ ПОНЯТНЫЙ
СЛЕД

Монолог

АНДРЕЙ КОРОБОВ

Я транзитным эшелоном
пролечу через века,
Оставляя за собою
только мне понятный след.

Монолог

АНДРЕЙ КОРОБОВ

ВЯТКА • 2013

Составитель и редактор сборника – Елена Коробова
Макет и вёрстка – Сергей Ворончихин
Издание CDдиска – Роман Кононов

Благодарим всех друзей и знакомых
за поддержку и вдохновение

Мой календарь с оторванным листком
Прибит к стене, безмолвен и печален,
Немой свидетель, плачешь ты о ком?
Не обо мне ли в темноте проталин?
Белеет парк. На улице весна,
Бегут ручьи. Я, огибая лужу,
Иду один. Навстречу мне стена.
Уткнусь в неё, поплачу – станет хуже.
Не легче ли найти усталый дом,
Вбежать наверх по лестнице до крыши,
Но календарь с оторванным листом
В моём кармане. В нём скребутся мыши,
Как по стеклу отточенным пером,
Как по стене обшарпанной зубилом,
Как по железу ржавым топором.
Лицом к лицу. Как жаль, что это было
Не пять минут, а пять веков назад.
На пять дорог одна – не проходима!
Ты ни при чём, и я не виноват –
И это нам, увы, необходимо!
И я с тобою будто не знаком.
И ветер с моря не несёт прохладу.
И календарь с оторванным листком,
И ты, и я – на пять столетий кряду.

* * *

Я буду согрет,
Если ты улыбнёшься в ответ
Сквозь дым сигарет,
Сквозь завесу дождя над перроном.
Я буду согрет,
Если ты приготовишь обед:
Две пары котлет
И обычные макароны.

Я буду согрет
Твоим пристальным взглядом вослед.
Пусть этот сюжет
Повторяется снова и снова.
Я буду согрет
Твоей лаской на тысячу лет.
И глаз твоих цвет
Покорит мирозданья основы.

Я буду согрет
Тёплым следом поношенных кед.
Сквозь грохот монет
Различая твой ласковый голос,
Я буду согрет,
Если даже ты скажет мне «нет».
Под шелест кассет,
Уходя в суету разговора.

* * *

Посмотри на этот серый небосвод.
Что увидел в этом, только ли уныние?
Ведь на самом деле всё наоборот –
Просто нам не ясна роспись в этом стиле.
Просто нам с тобой вживили дальтонизм
И – по умыслу иль нет – перестарались,
Чтобы все цвета в единое сливались
И своею массой закрывали смысл.
И с тех пор идём по брошенным путям,
Соблюдая интервал от шпалы к шпале,
Мы спешили, но, как видишь, опоздали.
Днём молчали, а кричали по ночам.
Мы кричали о потерянных часах
И молчали о потерянных столетьях,
Пока кто-то, оглянувшись, не заметил:
Посмотрите, позади остался страх.
Кто-то крикнул: Ну и ну! А кто-то: Пусть!
Ну, а мы с тобой молчали, как молчали.
И на стыке знаний, боли и печали
Кто-то вновь открыл для нас простую грусть.
С этой грустью воспитали сыновей,
Этой грустью закрывались от бессилья.
И хотя уже давно не доносили,
Вновь теряли мы непонятых людей.
А потом оно настало – то потом.
Я устал, сменил фамилию и имя,
Но не смог, а это значит, что отныне,
Воплощаюсь в чёрно-бело-золотом…

* * *

И так рождается звезда.
И на вечернем небосклоне,
Как на удобном тёплом лоне,
Покоиться ей навсегда,
Чтоб поздно ночью под луной
Влюблённые ей любовались,
А то, что долго целовались,
Была она тому виной.

Вот так рождается любовь
Под звёздным небом иль в квартире –
Мы все когда-нибудь любили,
И, дай-то Бог, полюбим вновь.
Сплетались руки и уста,
И тени на красивой шторе,
И реки чувств сливались в море –
Торжествовала простота.

Потом рождался человек,
Неотделимый плоть от плоти.
Вы все когда-нибудь умрёте,
Но проживёте долгий век.

И год от года всё верней
Шагает он по белу свету,
Обходит медленно планету
И молча думает о ней.

Звезда любви, любовь и звёзды
Из года в год, из века в век,
Раз сто весной растаял снег,
Раз двести плакали берёзы,
Но с наступлением темноты
Раскинет ночь ковёр свой пёстрый,
Где все узоры, словно звёзды
И воплощение мечты.

И вот, куда бы ты ни шёл,
Всегда с тобою звездный шёлк.

* * *

Ну что мне города, когда есть ты,
Когда есть кто-то близкий и любимый.
И эта песня вновь звучит неукротимо
Среди потока слёз и суеты.

Ну что мне сто морей пешком пройти,
Примчаться за пять сотен километров
И под окном стоять полночи под дождём и ветром,
Пока ты пригласишь меня зайти.

Ну что мне в ожидании прожить
Всего полгода? Знаю это мало,
Но хватит, чтобы плюнуть и опять начать сначала,
Но а потом всю жизнь себя винить.

Ну что мне города, когда есть ты…

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМЫ ЛАНЦБЕРГА

Дело тут не в Бетховене – просто звуков армады,
Как огромное облако с веткой дождя,
Точных строк паутиной, аккордами града
Перекинуло мост от тебя до меня.

Просто многое стало чудовищно ясно:
От смешного – к великому, через смерть – в бытие.
То, что было не понято, стало опасно
И оставило смерть на уставшей земле.

Окровавленным снегом иль выстрелом в грудь.
Тридцать семь, двадцать восемь… Какие года?
На вечерней поверке уставшей пехоте
Крутят солнце, которое слепит глаза.

Море в синих цветах истоптанных зёрен,
Только праздник не кончен – он будет всегда.
В этом мире, который сто раз перекроен,
Есть твои поезда и мои города.

Дело тут не в Бетховене – просто звуков армады…

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ

За моей стеною в поздний час
Кто-то горько плачет по ночам,
И горит беспомощно свеча –
Что там такое?

Может быть, обиду затая,
Уложив свой старый саквояж,
И ушёл в далекие края
Оле-Лукойе.

Что случилось? Кто виновен в том,
Что беднее стал наш старый дом,
Что цветные сны исчезли в нём,
Лишив покоя.

Я спросил, молчание в ответ,
Лишь за горизонтом тает свет,
То уносит в даль кабриолет
Оле-Лукойе.

Я застыл, дыханье затая,
Может это горько плачу я?
По тебе скорбит душа моя,
Оле-Лукойе.

Спи малыш, печаль твоя светла,
Но утрата, хоть и тяжела,
Вдруг коснётся твоего чела
Тёплой рукою.

Он вернётся как-нибудь весной
И раскроет зонт волшебный свой –
Ты узнаешь сразу, что с тобой
Оле-Лукойе.

* * *

Уже не за горами эта осень,
И листья опадают по ночам.
И в облаках таинственная просинь,
И сутки отмеряем по свечам.

А много ли осталось этих вёсен
В таинственной и душной пустоте?
И каждый вечер, боже, каждый вечер
Ко мне приходят люди, но не те…

Уже не за горами перемены,
И вижу в волосах седую прядь.
Кого не повидали эти стены,
Того, наверно, и не повидать.

И в круг войдя, зажмурившись от света,
С улыбкою застывшей на лице,
Я вспомню о призвании поэта,
Я вспомню о беспомощном отце.

Уже не за горами, а поближе,
Но не настолько, чтобы не объять,
И если я чего-то не увижу,
То это мне уже не увидать.

И если я чего-то не замечу,
И если я чего-то не найду,
Я зажигаю маленькую свечку
И накликаю новую беду.

21 августа 1990

* * *

Автобус. Теснота и толкотня.
Час пик. Но кто-то смотрит на меня,
И взгляд её таит в себе надежду.
В её глазах похожих на топаз
Я вижу вдохновения экстаз
И океан любви, почти безбрежный.

Счастливая, сидящая напротив у окна,
Ты счастье распыляешь, как цветок пыльцу,
В твоей душе беснуется цветущая весна,
И я с собой её частицу унесу.

Автобус…
Мои карманы двушками звенят,
А в книжке телефоны всех моих подруг.
Но никому не хочется звонить.
Быть может подойти заговорить?
Ведь вдруг она ответит, милый друг?

Счастливая, сидящая напротив у окна,
Скажи, зачем ты улыбнулась мне,
В твоей душе беснуется цветущая весна,
Быть может, мне найдется место в той весне.

22 августа 1990

* * *

Если честно, то я поражён,
Восхищён и ослеплён.
Почему-то простые слова
Так затронули душу.
Я в её пустоте колыханьем
Ритма разбужен,
Словно в чем-то постыдном и жалком
Я был уличён.

Так бывало со мной, но не ярко
И всё-таки редко
И в такие часы я, поставив
Судьбу на весы,
Прикоснулся губами уставшими
К капле росы
И, не вытерев после стерильной
Бумажной салфеткой,

Вдруг бросался на свет, не поняв
До конца, что хочу.
Но боялся, что вновь до конца
Никому не поверю.
И вертелся, как ослик на детской
Смешной карусели.
Я ведь тоже надеюсь и что-то
Упрямо пишу.

10 сентября 1990

* * *

Первый снег упал, прогнув деревья до земли.
Тротуары белым покрывалом замели.
И, хотя, ещё начало октября,
Белым пухом покрывается земля.

Первый снег – мне отпущение грехов,
И дрожит седая нитка у висков.
В белых шапках одинокие дома,
И крадётся подворотнями зима.

Первый снег такой нежданный и простой
Между вечностью и бренной суетой,
В настроениях и в погоде явный сбой,
Но как просто стало стать самим собой.

Первый снег. «Пока!» – мне скажешь у крыльца.
Первый снег в ресницах, каплями с лица.
Попрощаюсь, может быть, слегка грубя.
Первый снег. Мне очень трудно без тебя.

Первый снег упал, прогнув деревья до земли.
Тротуары белым покрывалом замели…

3-4 октября 1990

* * *

Горела лучина
Двенадцать неполных минут.
Небритый мужчина
Разглядывал твой изумруд.
И видел лишь камень.
Босыми ногами
Ступая на мраморный пол,
Ты вздрогнула слишком притворно,
И он не ушёл.

А следущим утром
Ты вспомнила несколько строк
Из Лорки. И пудрой
Слегка оттенила висок.
Он был нежно жалок
В венке из фиалок.
Дрожала рука.
Ты брызнула синим
На белую плоскость листка.

Родились стихи
О потерянном ветреном мне.
Не пахли духи,
И фиалки горели в огне.
Он не был расстроен.
Он был недостоин.
Ты знала не всё, как ни жаль.
Лишь тлеющий пепел
Витал, оттеняя вуаль.

* * *

Только слышно да за печкою пиликанье сверчка,
Ходят-бродят поздно вечером четыре паренька.
Первый мне цветы дарил, не мил – второй
Караулит у ворот, чего-то ждёт,
Третий в хоровод зовёт, но что ж четвёртый не идёт.

Вечерочком у сосёночек подруженьки поют
Про любовь, да про милёночков, лишь я одна стою.
Меня первый проводил, не мил – второй
Караулит у ворот, чего-то ждёт,
Третий в хоровод зовёт, но что ж четвёртый не идёт.

Как на зорьке, да на утренней, над реченькой пройду,
Из цветочков из лазоревых веночков наплету.
Два веночка поплывут – не подождут,
Третий медленно плывёт, ко дну пойдёт,
А четвёртый повернёт и тихо к берегу прильнёт.

Женишки мои хорошие, ну, что мне вам сказать?
Подсказали бы, хорошие, кого мне выбирать.
Где же милый-дорогой, ужель с другой?
Неужели не придёт, не позовёт?
И чего он гордый ходит, и чего он, глупый, ждёт?

* * *

Тает лето августовской ночи
И трава, примятая слегка
Разогнуться может, но не хочет.
И плывут ночные облака.
Лунный свет мерцает в перерывах
Между сном. И днём, открыв глаза,
Я смотрю, как ты неторопливо
Собираешь вещи. Что сказать?
Промолчу, пускай летит дорога
Через поле, через две судьбы.
Все считают, Анна – недотрога,
Я же знаю… Тёмные столбы
Закрывают небо лишь от части,
Впрочем, этим можно пренебречь.
Я нашёл потерянное счастье,
Но мосты не торопился сжечь.
И тянуло, и манило что-то,
И всплывали в памяти моей,
То смешной отрывок анекдота,
То под утро певший соловей.
Имена менялись, забывались,
Осыпалась известь с потолка.
Колыхалась пелена вуали,
И перчаткой стянута рука.
Не хотела, не могла, не в силах
Быть другой, и я другим не стал.
Я ответил, ты опять спросила.
Что слова? Лица немой овал…

Кроваво-красным заревом закат
окрасит небо.
Санкт-Петербург, а прежде Ленинград,
в котором не был,
В котором прожил без столетья век,
а над Невою
Стоял октябрь. И падал первый снег
на нас с тобою.

НИКОЛАЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

Я просто-напросто устал
От всех, кто был когда-то дорог мне.
И Николаевский вокзал
Один в полночной тишине
Встречает поезд мой,
Как прошлою зимой
Встречала ты…
Ночь. Разведены мосты.

Шагну спокойно на перрон.
Один. И так уже в который раз,
Отправив в прошлое вагон.
Из репродуктора чуть слышен джаз,
Гремит прощальный гонг,
Хрипит Луи Армстронг.
В руках цветы…
Ночь. Разведены мосты.

Асфальт вечерней мостовой,
В который раз несёт меня туда,
Где над гранитною Невой,
Роняя дни, летят мои года,
Где гаснут фонари
В лучах твоей зари.
Дворцы пусты…
Ночь. Разведены мосты.

* * *

Беспокойное солнце над рыжей землёй.
В ожидании лета, средь стылого мая
Я пытаюсь понять сам себя, но порой...
Сам себя я порою с трудом понимаю.

Наше великолепие нам же сродни,
А иначе нельзя в это странное время.
Если ты не найдёшь повод мне позвонить,
Сам тебе позвоню – я ведь тоже не кремень.

И пытаясь подняться до ваших вершин,
Как Икар обожгусь воском плавленых крыльев.
Но, упав, разобьюсь, как ни странно один,
И тогда ты всплакнёшь, может быть, от бессилья.

Возвратить на круги своя можно не всё,
А тем более то, что ушло, не вернувшись.
Твоя нежность, увы, нас уже не спасёт.
Я надеюсь, что ты не увидишь, проснувшись…

Беспокойное солнце над рыжей землёй…

* * *

Покой беспристрастен, а радость слепа.
Я слеп.
Мой голос дрожит, и приходит толпа
В мой склеп.
Минорная гамма закружит листву –
Пускай.
Я умер для всех, для тебя же живу –
Считай.
Один – это изгородь прожитых дней
С тобой.
Один – это осень и спрятанный в ней
Покой.
Один – это пальцы, сжимающие
Виски.
И кружится кружево в пяльцах моей
Тоски.
Четыре – застывший в предчувствии льда
Песок.
Двенадцать – игла, протыкающая
Висок.
Семнадцать – исход, исходящая горлом
Кровь.
И пусть я не понят, но это моя
Любовь.

* * *

Ты красива, ты желанна,
Ты божественна порою,
Глаз твоих нежнейший бархат,
Водопад волос упрямых –
Всё достойно восхищения.
Но порою я не вижу
Среди театральных жестов
Просто женщины, которой
Смог бы я сказать об этом.
И поэтому не смею
Даже взглядом отрешённым
Встретить взгляд твой,
Полный жизни.
Я всего лишь тот, чьё имя
Зимним ветром пронесётся
Над уснувшими домами.
Губы промолчат,
А в мыслях…
Впрочем, хватит откровений.
Если б ты могла представить:
Тронный зал, и ты на троне.
Я в толпе. Толпа затихла.
Только шёпот: «Королева
Улыбнулась незнакомцу…»
Он красив, осанист в меру.
Горд. Pardon, я удаляюсь.
Я всего лишь бедный рыцарь,
Обречённый наблюдатель.

1991

* * *

С чего начать? Пожалуй, с немоты.
Я нем, я слеп, в бездумии покорен.
Мой путь тернист, а мой характер вздорен,
Но полон жизни, если рядом ты.

Итак, я здесь. Мне не о чем жалеть,
Всё прожито, прошло и отболело.
Ложится снег на снег восторгом белым,
И начинает матово белеть.

Ложится снег, как пальцы на ладонь,
Как поцелуй на нежный лоб ребёнка.
Ложится снег. Хрусталик бьётся звонко.
Горит свеча. Дрожит её огонь.

Приходят сны. В стакане стынет грог.
Ты где-то здесь молчишь, мне одиноко.
Ещё стакан березового сока.
В часах песочных кончился песок.

Закрой глаза, найди меня во тьме.
В порыве сна не будь робка излишне
И губы цвета перезрелой вишни
Приблизь к моим. Надеюсь, ты простишь мне
Невольно вольный стиль в моём письме.

1991

* * *

Я улетаю. Я лечу. О, Боже!
Скрутите мне мои тугие крылья!
Хотя, наверно, это не поможет.
А если закричу, то от бессилья.
И если захочу, то буду рядом,
И будет небо просто голубое,
Но под твоим слегка усталым взглядом
Я стану, может быть, самим собою.

2 октября 1991. Вятка

я болен:
я – ревность
я волен
я – верность
С. Ворончихин

❊ ❊ ❊

Я болен тобою одной.
Я болен.
Я волен, но мне уже страшно и больно:
Ты – смысл, ты – значенье,
Ты – всё, что имею.
Но я не умею,
Но я не умею,
Летать,
если ты далеко

Я – свечка.
Зачем ты открыла окно?
Ты – вечность,
Но вряд ли тебе всё равно.
И вот замирает над пропастью стая,
И я это вижу и я понимаю,
Что болен,
если ты далеко.

Спокоен,
Недвижим скучающий воздух.
Я болен,
Лечить меня, видимо, поздно.
Пусть кается грешник,
Пусть дрогнет подсвечник,
Я музыкой нежной
Напомню о том, что, конечно же,
Болен,
если ты далеко.

Я болен тобою одною.
Я болен...

МОНОЛОГ ДЛЯ МАСТЕРА

Я хочу заблудиться в переулках Арбата
И, присев у порога незнакомого дома,
Ощутить безвозвратность каждодневной утраты,
И понять, почему мне всё это знакомо.
Иногда мне казалось, что я больше не властен
Над своими мечтами, что надежда убита.
Но представь на минуту, что я всё-таки Мастер,
И тогда я поверю в то, что ты Маргарита.

И весною на чёрном я жёлтым отмечу
Все удачные строчки и приятные встречи.
Но единственный раз я не выпью за встречу,
Потому что вино эту рану не лечит.
Потому что опять я не умер от счастья,
Потому что тоска до сих пор не убита.
Потому что я всё-таки чуточку Мастер,
И на эту же чуточку… ты – Маргарита.

И пусть полночь хрипит огрубевшим дискантом,
Мы споём в унисон с захмелевшим Фаготом.
И за всё заплачу я остатком таланта,
И без всяких потуг, взяв последнюю ноту.
И придёт ураган, разрывая на части,
Пропуская любовь через крупное сито,
Ты окажешься рядом, ты скажешь: «Мой Мастер,
я с тобой, я люблю тебя. Я – Маргарита!»

20 октября 1991

* * *

В наш меркантильный век затасканных сравнений
Всем хочется любить, любить наверняка.
Но я прочту тебе своё стихотворение,
И замерцает свет, и задрожит рука.

А после набежит на свет волной морскою
Пожухлая трава вчерашних передряг,
Но росчерком пера я море успокою.
И ты поражена, и шепчешь: «Как же так?»

А мне давно пора куда-нибудь отсюда,
Так, чтоб наверняка, не возвратясь сюда.
Остаться и любить, став воплощеньем чуда,
Пить травяной настой и гаснуть иногда.

20 октября 1991

* * *

Ты потом не могла не понять, не забыть, не простить.
Мимо окон твоих – эта пытка – ровесница века.
Чёрный месяц ошибок. Оборвана чёрная нить.
Время – лучший судья, адвокат, подсудимый и лекарь.

И приходит другой – он красив широтой своих дум,
И его доброта так естественна и гармонична.
Он полюбит тебя за изысканный, бережный ум.
Он полюбит, как это звучит непривычно.

Я не встречу тебя, не заметив в глазах твоих страх.
Перерезана нить, обжигающе холоден взгляд.
Ты забыла давно силу нежности в этих руках,
Но не сможешь уснуть, оглянувшись случайно назад.

Воспалённое солнце иссушит прибрежный песок.
Сквозь иссохшие губы твои кто-то выдавит стон.
Я сижу в полутьме у камина и пробую грог.
Ты выходишь одна на пустой незнакомый балкон.

Нити судеб сплетутся в одну воспалённую нить.
Кто-то просто истлеет в твоём обжигающем свете.
Отгорели огни. Выцвел пепел. Пытаемся жить.
Если встречу тебя, постараюсь пройти, не заметив.

РОМАНС

Когда придёт пора раздать долги,
Когда не в силах промолчать о главном,
И по воде расходятся круги
Так не спеша, так безнадежно плавно,
Когда за всё заплачено сполна,
А голос мой не весел и натужен –
Не то беда, что ты мне не нужна,
Всё дело в том, что я тебе не нужен.

Проходит день, проходит месяц, год…
Проходит всё, чтоб снова повториться.
Листок исписан, знаю наперёд
Всё, что уйдёт, и всё, что не случится.
Хоть за окном моим давно весна,
В глазах твоих осколки зимней стужи.
Не потому что ты мне не нужна,
А потому что я тебе не нужен.

И это всё, поскольку больше нет
Возможности почувствовать иначе.
Разорван только начатый сонет,
Не найдено решение задачи.
И между нами ровная стена,
И, слава Богу, вряд ли будет хуже.
Не потому, что ты мне не нужна,
А потому что я тебе не нужен.

Июль 1992

* * *

Когда мне будет тридцать три
И я переживу Иисуса,
Мой сын, мой ангел светло-русый
К любви тебя приговорит.
И я, чтоб сохранить тепло,
Сожму в руках его ладони,
И лик проступит на иконе
Сквозь запотевшее стекло…

Когда мне будет тридцать три,
Исчезнут многие вопросы,
В огне случайной папиросы
Пустая молодость сгорит.
Когда запущен в небо шар,
Когда укрощена стихия,
Когда прольёт слезу Мария,
Тогда пойму, как я устал.

Когда не допито вино,
В глазах моих всё та же осень.
Верхушки потемневших сосен
Увижу, посмотрев в окно.
Когда погаснут фонари
Над обмелевшею рекою,
Когда захочется покоя,
Когда мне будет тридцать три.

Декабрь 1992

* * *

Сомневаюсь, а как же иначе.
Шелестят под ногами года.
То, что выиграл на удачу,
Потерял в один миг навсегда.

Кто-то в комнате тихо плачет,
Подойду, попрошу: «Не плачь!»
Разрешивши одну задачу –
Обречён на решенье задач.

Разобьюсь – полетят осколки!
Соберусь – скажут: «Не беда!»
То, что выпало – ненадолго,
Что останется – навсегда.

Ослабев от такой потери,
Захочу ли других потерь.
И боюсь, открывая двери,
Вдруг наткнуться на эту дверь.

Где за серой немой доскою
До весны лишь подать рукой,
Что мне делать с моею тоскою,
Как найти, наконец, покой.

Все покроется снегом белым,
Сколько можно себя винить.
То, что помню – не в этом дело,
Где взять силы, чтоб дальше жить.

1 ноября 1993

* * *

Незваным гостем в этом доме
Я появлюсь в последний раз.
И тыльной стороной ладони
Я постучу, и вот «Сейчас!» –
Ты спросишь: «Кто?» – откроешь двери,
Небрежно бросишь мне: «Привет!»
И скажешь: «Я тебе не верю!»
Я ж улыбнусь тебе в ответ.

Мы оба знаем, что не стоит
Жалеть о том, что всё ушло,
Пусть нас ничто не беспокоит,
Что было – было и прошло.
Незваным гостем в этом доме
Я появлюсь в последний раз.
Твоя ладонь в моей ладони –
Теперь зависит всё от нас.

1990—1993

СОСНЫ

Там, где сосны щекотали облака,
Там, где реки начинали путь в долины,
Я сидела и смотрела свысока
На тебя и гор причудливые спины.
Прямо подо мной отвесная скала,
Надо мною небо дико-голубое.
Слава богу, не нужны твои слова,
Чтобы снова стать самой собою.

Лижет руки симпатичный ветерок.
Закурю, присяду, свесив ноги в бездну.
Как же всё-таки невзрачно одинок
Там внизу ты. И поверь мне, бесполезно
Сожалеть и звать меня обратно вниз.
Я впервые так беспечна и спесива.
Если есть у каждой женщины каприз,
Мой каприз – сидеть на краешке обрыва.

Там, где сосны щекотали облака,
Там, где реки начинали путь в долины,
Я сидела и плевала свысока
На тебя и гор причудливые спины.

Октябрь 1995

ЯНТАРНЫЕ КАПЛИ

Вчерашние щи на немытом столе.
Меня не ищи в этом городе пыльном.
Оставлю свой след на раскисшей земле,
Политой дождями не в меру обильно.
Под музыку ветра закружит листву
Маэстро по имени «поздняя осень»,
И искры костра отразят на ветру
Янтарные капли смолы хмурых сосен.

Ты сделаешь вид, что не тронут ничуть,
Побрившись, отправишься вновь на работу.
Уверенно топчешь проторенный путь,
Лишённый сомнений, падений и взлётов.
Забытую истину ищешь в вине.
Ты горд, ты прощения вряд ли попросишь,
А мне этой ночью приснятся во сне
Янтарные капли смолы хмурых сосен.

Два голоса не прозвучат в унисон,
Не в такт раздаются шаги наших судеб.
Молчит телефон, не спешит почтальон.
Одно утешенье, что хуже не будет!
И в нами давно позабытых стихах
Осеннего неба невнятная просинь,
Лишь пятнами света на наших руках
Янтарные капли смолы хмурых сосен.

1995

* * *

Купеческий квартал провинциальной Вятки.
Прохожий, не спеша, закончит моцион.
Купеческий квартал разделит без остатка
На тех – кого любил, и тех – в кого влюблён.

И те, кого любил, восторженно и звонко
Пройдут через года, в толпе не пряча взгляд.
Сквозь карие глаза наивнейшей девчонки
Вослед мне эти женщины глядят.

А те, в кого влюблён, шагают где-то рядом.
Их поступь чуть слышна. Ажурные слова
Сорвутся, закружившись в вихре листопада
И выцветут, как прошлогодняя листва.

И остаётся ждать, надеяться и верить,
Смеяться, ревновать, предчувствовать, любить,
И остаётся жить в предчувствии потери,
Которую придётся пережить.

И на исходе лет в ином контексте светит
Мне вспомнить ту, одну. И как я был не прав,
Когда её слезу я просто не заметил,
Остаток жизни безуспешно проискав.

1995

ЛЬДИНКА

Я растаю льдинкой в твоих ладонях тёплых.
Я застыну каплей дыхания на стеклах,
Прорасту сквозь камни мягкою травою
И себя забуду, чтобы быть с тобою.

Я зажгу все звёзды – пусть ослепнут боги.
Я прилягу пылью на твоей дороге,
Научусь быть мудрой и казаться глупой,
Чтобы на рассвете помнить твои губы.

Я приворожу тебя к себе навечно.
Будешь ты влюблённым, донельзя беспечным.
Стану твоей жизнью, сказкой, песней, чудом…
А потом, как ты меня, я тебя забуду.

Я попутным ветром дуну тебе в спину…
А потом, как ты – меня, я тебя покину.

12 декабря 1995

* * *

Покидая этот город, расстаюсь с прошедшим летом.
Как песок сквозь пальцы, пропускаю каждое мгновенье.
Я сюда приехал просто незадачливым поэтом,
Уезжаю же навеки обречённым на сомненья.

Покидая этот город, сам себя не понимаю,
Как же всё-таки нелепо зачастую происходит,
Как же всё-таки понятно было всё в начале мая,
И как стало всё запутано и смято на исходе.

Вечереет. Ожерелья фонарей жемчужным светом
Размечают тёмных улиц безразличные ущелья.
Я бреду по ним понуро в вечном поиске ответа,
В ватной тине полнолунья, в мутном озере похмелья.

Всё, что было не досказано, а так же не пропето,
Попытаюсь уместить всего в одно стихотворенье.
Покидая этот город, расстаюсь с прошедшим летом.
Как песок сквозь пальцы, пропуская каждое мгновенье.

12 декабря 1995

* * *

С одним появляешься в свете,
Другой тебе пишет сонеты,
А я посмотрю тебе вслед,
Улыбнусь, и через минуту –
Забуду тебя, как весной забывают
Прошедшее лето.
Не холодно, и не тепло мне сейчас
Почему-то.

День, когда ты, наконец-то, почувствуешь,
Как ты мне всё же нужна,
Будет немыслимо долог,
И значит, нам многое надо успеть,
Если с тобой до сих пор мы не вместе,
То это не наша вина.
Только при этом раскладе
Нам вряд ли будет дано уцелеть.

Один тебе пишет сонеты,
Другой называет богиней,
А я называю все вещи
Понятными им именами.
Чем проще, тем лучше, и значит –
Возникнув, окрепнет отныне
Стена между мной и тобой,
А точней между нами.

Один тобой переболеет,
К другому сама охладеешь,
Лишь я буду вряд ли сильнее
Злой магии глаз твоих серых.
И ты будешь счастлива с кем-то другим –
Я знаю, ты это сумеешь.
А впрочем, а впрочем, а впрочем,
Какое мне дело.

В круговороте событий
Истлеют твои и мои имена.
Солнце взойдёт на востоке –
В лучах его сердце твоё не согреть.
Если с тобой до сих пор мы не вместе,
То это не наша вина.
Только при этом раскладе
Нам вряд ли дано уцелеть.

Ведь…

* * *

Я глаза твои целую первый раз за столько лет,
Оправданий не ищу, хоть знаю точно – быть беде.
А если слово слову – рознь, то, как же нам найти ответ
На вопросы, что поставит жизнь, и неизвестно где
Тот мифический Эдем – царство света и добра,
Где лучисты небеса, где есть надежда пережить
Осень жизни, снег разлуки, суховейные ветра.
Ариадна, размотай клубок и протяни мне нить.

Я пройду по лабиринту наших судеб вслед за ним,
Пусть в конце тоннеля свет не ослепит, а обожжёт.
Я построю Вавилон, а потом разрушу Рим,
Даже, если мне с тобою вдруг да и не повезет,
Пусть премудрые кентавры отвернутся от меня.
Пусть роняет небо слёзы на извилины дорог.
Обойду пешком полмира, и знаменьем осенят
Путь мой вечно беспристрастный ад и объективный бог.

Я транзитным эшелоном пролечу через века,
Оставляя за собою только мне понятный след.
Это будет всё со временем, потом, ну а пока…
Я глаза твои целую в первый раз за столько лет.

* * *

Есть ты, есть я, ещё есть кто-то у тебя –
Рисунок судеб так изысканно небрежен.
О, если б ты был так же искренен, как нежен,
Намного меньше ошибаясь, чем любя.

Есть свет в окне, есть дом над стынущей рекой.
О, как причудливо тасуется колода,
Проходит день, и вновь меняется погода.
Восточный ветер. Томик Блока под рукой.

Есть смысл жизни, есть минута для хандры.
Листаю у плиты поваренную книгу.
Сама себе опять придумала интригу,
А к той интриге даже правила игры.

Есть ты, есть я, прошу прощения, есть – мы.
Слова тасуются – нам выпадают слоги,
Местоимения, безличные предлоги,
И первый снег ещё непрожитой зимы.

АССОЛЬ

Я тебя устала ждать,
Выходить каждый день на берег.
Я тебя устала ждать,
Я в тебя устала верить.
Этот город населяют
Подлецы и негодяи,
И матросы тащат шлюх
В порт среди канатных бухт.
Ночью стоны, ругань, крики.
Сын трактирщика Энрике
Предложил мне выйти замуж,
Я, наверно, соглашусь.
Я тебя устала ждать
И надеяться пытаться,
Я тебя устала ждать –
Мне давно уже за двадцать.
Пусть Энрике худосочен,
Некрасив, но как-то прочен,
Ласков, добр, не склонен к власти.
Боже, может это счастье?
И отец ему поможет
С тем трактиром придорожным.

А когда мой принц бездушный
Вдруг заскочит к нам откушать,
Я и виду не подам,
Только знаю, что узнаю,
И как прочим господам
Аппетита пожелаю.
Пусть уйдёт к себе спокойно
Жизнью и собой довольный,
Пусть уйдёт, не обернётся,
Ну, а лучше пусть себе напьётся
И к кому-нибудь пристанет,
Раздерётся и уставший
На корабль свой поплетётся,
Ну, а утром не проснётся…
Боже, что я говорю?..
Просто я устала ждать,
Выходить каждый день на берег.
Просто я устала ждать,
Я в тебя устала верить…

ДИАЛОГ ГРЕЯ И АССОЛЬ.

– Который год ищу тебя, который год.
Который год сжимает грудь тупая боль.
А мой корабль идёт вперёд, всегда вперёд,
Но только нет нигде тебя, моя Ассоль!

– Который год я жду тебя, который год.
«Сошла с ума», – прошепчут злые голоса,
Но часто снится мне под парусом полёт
Под алым парусом. Но где же паруса?

– Который год ищу тебя, иду к тебе.
Волна, омывшая борта, оставит соль.
Ты – продолжение меня в моей судьбе,
Но где найти тебя, тебя, моя Ассоль?

– Я растеряла всех друзей и всех подруг,
И мой удел на берегу стоять одной.
Сама себе я очертила этот круг
Лишь для того, чтоб видеть парус над волной.

– Пройдут года, отступит боль. Ты мне поверь.
– Я знаю, что пройдут года, отступит боль.
– Люблю тебя, всю жизнь тебя, мой милый Грей!
– Люблю тебя одну тебя, моя Ассоль!

❊ ❊ ❊

А «Грей» в переводе с английского – серый.
А серость степенна и даже мила.
И парус отбелен опять добела,
Но ты его честно полжизни ждала,
А после угасли надежда и вера,
Любовь увядала, и ночь не пришла.

А он был доволен судьбою скитальца
И в каждой таверне пускался в загул,
Поставив на стол неиспорченный стул,
Движением глаза прервав пьяный гул,
Вытягивал с хрустом красивые пальцы.
Взяв в руки гитару, небрежно тянул
Балладу о вечной любви.

Ах, если б вы знали, как лживо и скверно
Использовать песню, не веря в неё,
Чтоб перевернув содержанье твоё,
Ударить улыбкой холодной и нервной.
Ведь где-то на севере в сонной Каперне
Ассоль невесёлую песню поёт.

А «Грей» в переводе с английского – серый

13 октября 1991

* * *

И всё, что мы приобрели,
Так это многие печали.
Как было просто всё в начале –
Туман, наполнив дымкой дали,
Напомнит мне сюжет Дали,
Где от безветрия устали
На внешнем рейде корабли.
И мы бредём навстречу солнцу,
Листая книгу жизни врозь.
Блестит перил литая бронза,
Пылится винограда гроздь,
И в ожидании застыло
Всё, кроме нас, и понял я –
Ты никого так не любила
В своих потерянных краях.
Надолго ли меня согреет
Сладчайшая донельзя боль?
Ты так похожа на Ассоль,
Но я-то не похож на Грея.
И сердце зябко цепенеет
Наедине с самим собой.

* * *

Чайки крик над волной.
Шторм прошёл стороной.
Над притихшим заливом повис
Тёплый ласковый бриз.
Мерный бег корабля,
Где-то рядом земля.
Позабытая боль
Не тревожит Ассоль.
Кружева облаков
Ткали ветры веков,
Мерно плещет волна о борта.
День меняет цвета,
Море дарит лазурь
Невозможности бурь.
Улыбается Грей –
Этот мир стал добрей.

* * *

Ты говоришь, что так нельзя
С плеча, наотмашь, как от скуки… –
Ассоль заламывает руки,
А Грея ждут в порту друзья.

В полупустом трактире он
Сидит и пьёт, собой доволен.
Ассоль – комочек жгучей боли,
И в горле застревает ком.

Ты говоришь: «Любовь добра!»
Позволь с тобой не согласиться –
Артур уже успел напиться
И спит в каюте до утра.

Ассоль, посуду перемыв,
Уложит спать детей и будет
Смотреть в окно. Её разбудит
Шум волн… Кончается прилив.

Ты говоришь, что всё не так!
У Грина было по-другому.
Ах, знаю эту аксиому,
Но ветер развевает стяг.

Фрегат уйдёт, и солнца луч
Окрасит парус алым светом.
Лишь небо брызнет синим цветом
В проём нависших низко туч.

* * *

Ну вот и всё. Ушёл корабль.
Рассвет окрасит паруса.
И в новой бухте кто-то вдруг
Мечту увидит сквозь рассвет.
Возможно, не ошибся Грин,
И кто-то верит в паруса…
Но вот Ассоль прождёт, возможно, пару лет
И выйдет замуж, позабыв наказ отца.

Усталый, злой как чёрт, Артур
Повесит шляпу на крючок,
Пригладит бороду, усы,
Войдёт в распахнутую дверь.
Он в этот город в первый раз
Зашёл и сразу – в кабачок,
Чтобы залить усталый груз своих потерь,
А рядом курит в доску пьяный морячок.

Хозяйка подойдёт к нему,
Он спросит пива, не спеша.
Знакомый взгляд, знакомый жест,
Туман растает, сон пройдёт.
И в доску пьяный морячок
Заметит: «Черт, как хороша!»
И Грей, сомнениями терзаемый, уйдёт,
А поздно ночью перекрасит паруса.

Пусть этой ночью будет шторм,
Пусть утром город оживёт.
И повзрослевшая Ассоль увидит детскую мечту.
Но слишком поздно он пришёл –
Она его уже не ждёт, а дети ждут,
И милый муж, и те в порту.
И день, исполненный желаний и забот…

* * *

Снился мне сон ноченькой осеннею:
Ставил свечу во своё спасение,
Не уставал бить поклоны, кланяться.
Всё отболит, а любовь останется.
Ночь пролетит птицей предрассветною,
Всё отболит болью безответною.
Канут во тьму все печали-горести.
То ли конец, то ль начало повести.

Снился мне сон зимней долгой ноченькой.
В жизни моей слишком много прочерков.
И что ни день, новое открытие,
Но не могу я никак забыть её.
В сердце своём поселив сомнение,
Мне не стряхнуть это наваждение,
Не разобрать, если брать по совести,
Это конец или начало повести.

Снился мне сон, я уже забыл когда.
Встретились мы, спустя многие года.
И не понять, если брать по совести,
Это конец или начало повести.
Снятся мне сны, что во сне и наяву,
Я всем назло со своей мечтой живу.
Пусть, всё равно, мы с тобой расстанемся.
Всё отболит, а любовь останется.

ЗИМНИЙ ВЕТРЕНЫЙ ДЖАЗ

Падал снег. И молчал
Занесённый тем снегом причал.
В лёд степенно вмерзал теплоход,
Тот, который полгода назад
Нас с тобою качал.
Ты стояла одна.
В звёздном небе мерцала луна.
В глубине карих с искоркой глаз
Зимний ветреный джаз.

И бежала слеза по щеке,
Льдинок мёрзлый овал на песке.
Замерзал в глубине карих глаз
Зимний ветреный джаз.

Лёгкий зимний туман
Скрыл на время седой океан.
И вгрызались в эфир голоса
Неопознанных стран.
но-но-но
Ты стояла одна.
В звёздном небе мерцала луна.
В глубине карих с искоркой глаз
Зимний ветреный джаз.

И бежала слеза по щеке,
Льдинок мёрзлый овал на песке.
Замерзал в глубине карих глаз
Зимний ветреный джаз.

* * *

Так по жизни и скитаюсь я пассажиром безбилетным
Перепробовано многое – ещё больше предстоит.
Только ты меня не спрашивай, как провёл я это лето.
Только ты не дай мне повода это лето позабыть.

Наше недопонимание для других осталось тайной,
И, наверное, поэтому нам с тобою по пути.
Сколько всё же было сказано слов обыденно-банальных,
Ну, а пару, тех единственных, так и не смогли найти.

Вновь трава покрылась инеем, в небе чертит след комета,
И назойливые сумерки режет фальшь моей струны.
Только ты меня не спрашивай, как провёл я это лето.
На исходе поздней осени не почувствую вины.

Обжигая пальцы, догорая, тлеет сигарета,
Как провёл я это лето, не признаюсь никому.
Прикушу губу в предчувствии финального куплета,
Но, только ты меня не спрашивай: зачем и почему?

Так по жизни и скитаюсь я пассажиром безбилетным.
Перепробовано многое – ещё больше предстоит.
Только ты меня не спрашивай, как провёл я это лето.
Только ты не дай мне повода это лето повторить.

* * *

Выйду на дорогу, степь раскинется широко предо мной.
Тают облака. Светлеет небо. Поднимается туман.
Прожитое тенью заколышется, оставшись за спиной.
Первый шаг навстречу солнцу, вывернувши памяти карман.

Встретится попутчик, я краюху пополам переломлю.
Угостив бродягу, расспрошу о том, куда он держит путь.
В овдовевшей деревушке из колодца жажду утолю,
Подождав, пока на дне ведра осядет илистая муть.

Вечером, подкинув дров в костёр, присяду у огня.
Посмотрю на звёзды, выпью водки, закурю да помолчу.
Если так случится, что когда-то ты и вспомнишь про меня,
То поставь в ближайшем храме у иконы «Всех святых» свечу.

Пусть на утро снова извивается змеёю колея,
Тают облака. Светлеет небо. Поднимается туман.
Пусть в конце концов нелепа эта песенка моя,
Я шагну навстречу солнцу, вывернувши памяти карман.

* * *

Когда глаза закрою – вижу:
Шпиль башни, небо голубое,
Как мы бредём вдвоем с тобою
По узким улочкам Парижа,
Как отражаются в витринах
Два наших зябких силуэта.
Прости, что я опять об этом,
Не обессудь, что так картинно.

Ночь опускает покрывало
На город, что стоит у моря,
И мы плывем с тобой в гондоле
Среди шумихи карнавала.
Несётся гондольеров пенье,
Твоя рука в мой ладони,
И ночь на дне канала тонет,
И наступает воскресенье.

Но жизнь декор меняет снова,
Как по капризу драматурга,
Среди красот Санкт-Петербурга
Твоей красою околдован.
Друг друга так и не узнали
И не поспорили с судьбою,
А сколько мест, где мы с тобою,
В своих мечтах не побывали.

* * *

Без тебя этот город так пуст и нелеп,
Без тебя этот город похожий на склеп
В череде своих буден
Как продрогший щенок жмётся к чьим-то ногам,
Не привыкнув к моим торопливым шагам,
Одинок, неподсуден.
Он и сам не поймет до сих пор, отчего
Сотни тысяч людей покидали его
Безболезненно просто.
На огрызок луны на студёном ветру
И теперь он не спит и скулит по утру
Вслед бледнеющим звёздам.
Его голос тускнеет, снегами ведом
Заметён по колено – лишь слышен один
Вой побитой собаки.
Без тебя этот город, лишённый тепла,
Развевается по ветру, словно зола
Исчезая во мраке.

* * *

Вот в принципе всё, что я хотел, и что я успел.
Раскинув шатры, войско стоит у самой реки.
Вскочил на коня княже лихой, и конь полетел
Навстречу судьбе, влекомый одним движеньем руки.

А ты не смотри так на меня, а вдруг я завтра умру.
Бой, как никогда, будет кровав, будет жесток.
С утра до утра, ратью на рать, да только я по утру
Вдруг упаду, сбитый стрелой на мокрый песок.

Лишь други мои вспомнят меня, чашу подняв,
Ведь не дожить хуже ещё, чем… перепить.
А ты не обещай помнить меня, верность храня,
Ведь жизнь так длинна, и многих ещё придётся забыть.

Вот в принципе всё, что я хотел тебе рассказать,
Раскинув шатры, войско стоит у самой реки….

ВЕСНА

Придёт весна.
И снова этот город рассмеётся
В полный голос,
наверно.
И солнечные зайчики
По стёклам проезжающих трамваев
запляшут.
И стайки юных леди –
Все в капроне и шифоне.
И фонари,
склонившиеся в вежливом поклоне
И во дворе деревья
распустившимися листьями мне машут.

Как хорошо – по лужам босиком,
И улыбаться даже тем, с кем вовсе незнаком.
Ветер ласкает небритые щёки.
Как хорошо быть весной одиноким
Как хорошо, о боже, как хорошо!

Придёт весна.
И лица у прохожих подобреют
Станут лучше – светлее.
И солнечные зайчики без умысла
Слепят глаза шофёрам, злодеи.

И снова бочки с пивом,
Аж на каждом перекрестке,
Стоят за ним и дедушки, и папы, и подростки.
Ведь после пива радостней живётся,
И становится теплее.

Как хорошо принять на грудь сто грамм
И с кружкой в руке смотреть на встречных дам.

Ветер ласкает небритые щёки.
Как хорошо быть весной одиноким
Как хорошо, о боже, как хорошо!

Апрель 1995

❊ ❊ ❊

Давай уедем отсюда туда, где закат
Окрасит в цвет спелой вишни верхушки берёз,
Где ветер гложет остывшие камни,
Где поздно ночью нашепчет река мне
В чём смысл жизни, но как-то шутя, не всерьёз.

Давай уедем отсюда, забыв про дела,
Разбив фарфоровых кошек, оставив свой дом,
Туда, где небо сольётся с тенью,
Туда, где птиц беззаботных пенье,
Заставит нас навсегда позабыть обо всём.

Давай уедем отсюда, пока ещё есть
Шанс всё сначала начать, про ошибки забыв.
Зачем у моря просить погоды,
Ведь знают все в это время года,
Отлив сменяет прилив, прилив сменяет отлив.

Давай искать за семью морями
То, что давно пережито нами.
Зачем любить, не поняв, не забыв, не простив?

1995

НАШИ ДЕТИ

Родителям посвящается...

Наши дети в нашей жизни,
Так случайно непрожитой,
Там за гранью дня и ночи –
Наши ранние рассветы.
Всё, что было недосказано
Давно прошедшим летом,
Будет нынче так небрежно
И случайно позабыто.

Проживая в межсезонье
Очень трудно верить в чудо,
Ведь надежда, к сожаленью,
Не последней умирает.
И, наверно, в этой жизни
Нам чего-то не хватает,
Раз не ясно, что к чему,
Зачем, а главное, откуда.

Ночь бесстрастна, сны безжалостны,
А утро бессердечно.
Где взять силы встать с кровати
И пытаться быть собою?

Где взять силы, чтобы спорить
С непокорною судьбою?
Так изысканно, небрежно,
Ну, а главное, беспечно.

Время щёлкает, как семечки,
Года, часы, минуты,
Представляя постепенно всё
В ином и лучшем свете.
И быть может нас когда-нибудь
Обнимут наши дети
Там за гранью жизни,
Нами не прожитой, почему-то.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю-бай.
Солнце закатилось.
Завтра снова в путь,
Дорога вьётся без конца.
Месяц над землёй,
Белая кобыла
В тёмном поле,
Между звёзд
Овал его лица.

Баю-баю-бай.
Затрещат поленья.
Искры в небе,
Словно золотые паруса.
Ночью у костра
Слышно чьё-то пенье.
Вновь отцвёл чабрец,
И выпала на нём роса.

Баю-баю-бай.
Прожито немало.
День идёт за год,
А год за век,
Но всё равно.
Где-то вдалеке
Птица прокричала.
Ветер тронет облака,
Желая добрых снов.

19-20 октября 1995

ВРЕМЕЧКО

Сколько было слов когда-то
Мною сказано. Всё зря!
Уходящая зарплата. Приходящие друзья.
От рассвета до заката –
Жизнь не жизнь – считай кино.
Было времечко когда-то,
Позабытое давно.

На работу как на праздник,
После – в винный магазин:
Двести грамм с коллегой мазнешь,
Вышибая клином клин.
Ни забот, ни треволнений.
Пачка «Примы» натощак.
Пой душа – мой вечный пленник –
Пой же, мать твою, раз так!

Пять копеек на автобус,
Зная наизусть маршрут,
Рассекаю вечер, чтобы
Оказаться там, где ждут,
Там, где лампа над кроватью
Не потушена горит.
Крепдешиновое платье
Бог не выдаст, бог простит.

Сколько лет прошло, и всё же
Не могу себе солгать.
Всё, что было, подытожу,
Всё, что будет, мне ли знать.
Ты ни в чём не виновата,
Я ни в чём не виноват.
Было времечко когда-то.
Не вернуть его назад.

Октябрь 1995

СОЗВЕЗДИЕ ПЛЕЯДЫ

Созвездье Плеяды – семь маленьких звёзд,
Лишь несколько точек в пространстве.
Вот также и я – до банального прост
В своём вечном непостоянстве.

Направо-налево сую я свой нос –
Куда может надо, но чаще не надо.
Ах, сколько же звёзд – вот глобальный вопрос! –
В том самом созвездье Плеяды?

Когда восхищённый мой разум бурлит,
Бреду я пустым переулком.
И нет мне покоя, пропал аппетит,
Жена называет придурком.

С балкона вгляжусь в эту звёздную высь:
Хоть тресни, но всё-таки знать очень надо,
А есть ли там, всё же, разумная жизнь,
В том самом созвездье Плеяды?

Пускай надо мною смеётся родня,
И лаем встречает собака.
Никто до сих пор не узнал до меня
Главнейший секрет Зодиака:

Что звёзды, как люди, умеют мечтать,
И мне доказательств, поверьте, не надо –
Ведь я в прошлой жизни успел побывать
Звездою в созвездье Плеяды.

Да, звёзды, как люди, умеют любить,
А месяц – садовник жемчужного сада.
И в будущей жизни хотел бы я быть
Звездою в созвездье Плеяды.

1995

* * *

Когда погибнет моё тело,
И воспарит моя душа,
Я пропою вам неумело
О том, что в этой жизни я не понял ни шиша.
Скакал с работы на работу,
От сентября до сентября,
По воскресеньям и субботам напивался вдугаря.

От обывательщины слизи
Спасался, слушав «Леди Джейн»,
От прочих жизненных коллизий
Меня спасал портвейн.
Стеснялся женщин и прохожих,
Читая в их глазах укор.
Однажды получил по роже,
За что, не знаю до сих пор.

Влюблялся часто и взаимно.
Не знаю сам, кого винить,
Но иногда, в момент интимный
Любил стаканчик пропустить.
Читал Бальзака и Монтеня,
Торчал от «ЧайФа» и «Кино»,
Немного ботаю по фене
И лабаю на фоно.

Спиваюсь медленно, но верно,
Ища в туннеле жизни свет,
И протяну ещё, наверно,
Пятнадцать-двадцать скучных лет.
Умру от рака или язвы,
Потом меня положат в грунт,
И в честь мою не будет назван
Ни один хотя бы захудалый населённый пункт.

* * *

В какую бездну окунулся я, в глаза твои взглянув!
Такой бездонной глубины ещё ни в ком я не встречал.
Ах, если б знать наверняка, что в этой бездне утону,
Я растворюсь в потоке дней, найдя начало всех начал.

Какие разные слова мы произносим день за днём,
Какие разные тела несём на чувственный алтарь.
Всё просто, словно дважды два, и это мы переживём,
Надеясь, мучаясь, любя, короче говоря, как встарь.

Пусть сдавит горло неизбежности шершавая петля,
Пусть говорят, что бесполезно спорить с небом
и судьбой,
Но если мне придётся снова эту жизнь начать с нуля,
Я повторю её час в час, лишь только б встретиться
с тобой.

В какую бездну окунулся я, в глаза твои взглянув!
Такой бездонной глубины ещё ни в ком я не встречал.

* * *

Быть самим собой так нелегко –
То осень, то весенний дождь среди зимы.
Боль моя прости, ты далеко.
Но чем теплей весна, тем тяжелее сны.

Ты меня не помнишь, я тебя забыл,
Я не знаю, хватит ли нам с тобою сил,
Если между нами столько лишних вещей.
Ты уже ничья, и я уже ничей.

Будь такой как есть, ведь наша жизнь
Так тяжела, и злобен рок,
Мы с тобой одни, всегда одни.
И наша жизнь давно пошла наискосок.

Ты меня не помнишь, я тебя забыл,
Я не знаю, хватит ли нам с тобою сил,
Если между нами столько лишних вещей.
Ты уже ничья, и я уже ничей.

* * *

Разорвать порочный круг не могу,
И поэтому сам от себя бегу.
И поэтому поэту
Нелегко расстаться с летом
И лежать на окровавленном снегу.

Всё, что прожил до сих пор я – не в счёт.
И поэтому пока мне везёт.
И поэтому знакомо
Мне желанье прыгнуть в омут,
Если в двух шагах от омута брод.

Сожалею, лишь о том, что был слеп,
Что не с тех рук ел признания хлеб.
Если вера, значит, в чудо,
Но жалеть себя не буду,
Потому что я от боли окреп.

Разорвать порочный круг не могу.

Ночью все кошки серы.
Я поднимусь на крышу,
Передо мною мой город,
И я его вижу и слышу.
Тенью скользну по небу,
В кронах берёз растаю.
Передо мною мой город,
И я его помню и знаю.
Ночью все кошки серы.
Я обхожусь без грима,
Передо мною окон твоих
Маяк негасимый.

КОШКИ

Ночью все кошки серы.
Я выхожу на крышу.
Передо мной мой город,
И я его вижу и слышу.
Это такая песня,
Я её сочиняю.
Передо мной мои мысли,
И я в них себя узнаю.

Это такая музыка…
Это такие слова…
Это моя ошибка,
Как ты была права.
Это моя вина…
Это моя вина…

Это такой приём, чтоб обмануть судьбу,
Это такая музыка, и я её напишу:
Мелом на лицах домов,
Краской на голой земле,
Ветром на пожухлой траве,
Сердцем на меча острие.
Пальцем на замёрзшем стекле,
Камнем на гранитной скале.

Ночью все кошки серы.
В небе большие звёзды.
Произнесу твое имя –
И снова всё станет так просто.
Это – почти примета.
Это – моя Голгофа.
Но, если ты где-то рядом –
Значит, не всё так плохо.

Это такая музыка...
Это такие слова…
Это моя ошибка,
Как ты была права.
Это моя весна..
Это моя весна...

ЭВРИДИКА

Я писала стихи о тебе и о море,
Рисовала морские пейзажи на пляже.
Я встречала рассветы в горах, только вскоре
Я сожгла все мольберты, стихи и пейзажи.

И родилась я заново в пыльной квартире,
Где на стенах висели смешные обои.
И осталась я жить в этом суетном мире,
Вспоминая лишь изредка голос прибоя.

Проплывали за окнами серые будни,
На работу ходила я, словно на плаху.
Вечерами играла на старенькой лютне
Или штопала мужу худую рубаху.

Где-то там, в мире, брошенном мною когда-то,
Расцветали подсолнухи золотом свежим,
И блистали нездешней красою закаты.
Только я вспоминала об этом всё реже.

Но однажды – как это случилось, не знаю, –
Я ударившись оземь, вдруг сделалась птицей
И пристроилась вслед пролетающей стае,
Чтобы в мир, мной потерянный, вновь возвратиться.

Не ищите меня по больницам и моргам –
Это так безнадёжно, нелепо и дико.
Я исчезла, ушла в одночасье, надолго.
Я исчезла, а имя мое – Эвридика!

КОРОЛЕВА

Ждать недолго осталось –
Всё пройдёт, всё пройдёт.
Вновь подступит усталость.
Снегопад. Гололёд.

Ваши руки, как тени, –
Чёрно-белый мираж.
«Опустись на колени,
Верный, преданный паж!»

Королева не вправе
Позабыть этикет.
В помутневшей оправе
Белой лилии след.

Совершивши ошибку,
Расплатилась сполна.
«Подари мне улыбку,
Задержись дотемна.»

Я прощу. Я умею.
Словно в белом бреду
Сквозь пустую аллею
Я без цели бреду.

Мерно стелются хлопья
Всё белей и белей.
Стража сдвинула копья
За спиною твоей.

Ждать недолго осталось.
Всё пройдёт, всё пройдёт.

МАЭСТРО ШТРАУС

В этом доме сквозняки
Продувают каждый угол,
Хрипло лестница скрипит,
Под ногами бьют часы.
Тем не менее, с тобой
Мы скользим, скользим по кругу
В этом старом, старом вальсе,
Беззащитны и просты.

И как легки твои движенья,
Как слова твои понятны, –
И законы притяжения
Исчезают безвозвратно.
Золото опавших листьев
Колыхнётся, словно море,
Крутит старую пластинку
Наше счастье, наше горе.

В этом доме у воды
Звуки, словно тени, тусклы,
Гаснут свечи на ветру,
Рвётся трепетная нить.
И пусть рекой текут года,
Изменяя жизни русло,
Этот старый, старый вальс
Нам уже не позабыть.

Что же вы, Маэстро Штраус,
Герцог вальсов, принц движений
(Право же, какая малость –
Пересилить притяженье),
На исходе мирозданья
В эту жизнь опять влюблённый?
И сольются два дыханья
С ветром, что качает клёны.

* * *

Без тебя небо не светлеет, листья не желтеют,
солнце не встаёт.
Без тебя темною аллеей я шагаю молча
прямо на восход.
Без тебя краски потускнели, листья облетели,
кончилась зима.
Без тебя я дождусь апреля, в чудеса не веря,
выжив из ума.

Без меня ты всё так же юна, целы твои струны,
цельно твоё я.
Без меня пишешь свои руны стрелами Перуна
ночью на полях.
Слов моих искренняя нежность,
рифм моих небрежность, напускной азарт.
Ветер стих. Тщетная надежда и тоски безбрежность,
что ещё сказать.

Мы с тобой разные, но всё же в разности похожи,
как вода и лёд.
Для меня нет тебя дороже, и надеюсь, всё же
вдруг да повезёт нам с тобой.
Ты в ответ киваешь, словно, продеваешь
голову в петлю.
Боже мой, я тебя теряю и сказать не знаю,
как тебя люблю.

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Закрыта лодочная станция.
Сезон прошёл, и сохнут лодки.
И сторож, погремев стаканами,
Нальёт себе и мне «Сибирской» водки.

За разговором незатейливым,
Без крика и пустых амбиций
Я попрошу его: «Давай, налей ещё!»
Я так хочу сейчас забыться.

Я так хочу найти пристанище
Своей душе, да так, чтоб глухо
Сокрыть от всех, а ты достань ещё,
А то во рту противно, сухо.

А ты налей ещё по маленькой.
А я… Что я? Я расчехлю пока гитару
И на гитаре этой старенькой
Изображу романсик старый.

А ты послушай, да задумайся.
Я ж постараюсь так исполнить,
Чтоб вспомнить жизнь свою бездумную
И кое-что ещё припомнить.

Пока душа моя без панциря,
Пока могу тебе открыться,
Закрыта лодочная станция,
Летят на юг глухие птицы.

ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ (спустя четыре года)

Пройдёт четыре года, и я вернусь туда,
Где лодочник всё также пьёт безбожно.
Испортится погода, поднимется вода,
А на душе безвыходно тревожно.

Пройдёт четыре года. Дождливая пора
Наступит в срок, иначе быть не может.
Но снова эта тема ползёт из-под пера,
И сердце безнадёжно вечно гложет.

Пройдёт четыре года, и стану я другим.
Не прав Шекспир – театром здесь не пахнет.
И даже тот, кто близок, когда смывает грим –
Буквально сразу, обречённо чахнет.

Пройдёт четыре года. И всё-таки мне жаль
Того себя, бредущего понуро.
Проходят дни, как будто, листаешь календарь,
Смотря на даты беспросветно хмуро.

Пройдёт четыре года, и круг замкнётся вновь.
Всё то, что растерял, в себя вбирая,
Я ж выживу, конечно, в кольце знакомых рук,
Костром забытым скромно догорая.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТАМ (четыре туза)

Лампа на столе, в руке бокал коньяка,
Эта ночь длинна и темнота глубока.
И дрожит рука, ведь оставлять на века
Даже пару строк нелегко,
И за ширмой наших грехов
Всё равно не слышно наших стихов.
Что же ты молчишь, Натали,
Если б мы любовь сберегли?
Но мне тузом пиковым выпал твой интерес – Дантес.

Горизонт изломан рваной линией скал,
Под ногами пропасти бездонный оскал.
Видно, что-то главное я не сказал.
Вот и мой последний рассвет.
Смотрит прямо в грудь пистолет.
Вижу, у противника сомнения нет.
Господин Мартынов, для вас
Это эпизод, а сейчас
Мне тузом крестовым выпадает – Чечня, Кавказ.

Шёпот ветра, номер, колыханье портьер,
И рассвет московский до безумия сер.
Грусть со мной разделит лишь отель «Англетер».

С кем ты, Айседора Дункан ?
Я, ополовинив, стакан
Попадаю снова в этот страшный капкан.
Может, разберемся сперва:
В чем не прав я, в чем ты права?
Но мне тузом бубновым сдавит шею петлёй Москва.

День за днём, за годом год – торопится век.
Если ты поэт, поэт, а не имярек.
Ты ещё не бог, но уже не человек.
Не спеши на встречу с судьбой,
Трудно расставаться с собой,
Но если выжил ты, то значит, выиграл бой.
Ваших строк живое тепло
Сколько вас до срока ушло?
А мне тузом червовым выпала вроде бы вновь – любовь.

* * *

Какое это всё же чудо
В глазах твоих всю жизнь тонуть.
Любимая, не будь занудой,
А просто будь.

Как быстро пролетело лето,
Унылы осени дожди.
Любимая, не жди ответа,
А просто жди.

Крепчают за окном морозы,
Апрель стучит не в нашу дверь.
Любимая, не верь прогнозам,
И мне не верь.

Притворство, артистизм, кокетство,
Похоже, у тебя в крови.
Любимая, ты знаешь средство
От нелюбви?

Мне, сокрушителю империй,
Вопрос коварней приготовь:
Любимый мой, а сам ты веришь
В свою любовь?

Освещая галерею,
Не жалей огня,
Если хочешь быть добрее,
Не жалей меня.

Не жалей меня – всё, как есть, скажи.
Сколько нам осталось часов с тобой?
Если за окном жёлтый лист дрожит,
Знать не суждено стать твоей судьбой.

Дни текут рекою. По воде плывёт,
Расплываясь алым пятном, закат.
Если нам с тобою не повезёт,
Ты не виноват. Ты не виноват.

Не жалей меня. Посмотри вокруг.
Сколько их других: лучше и добрей.
Может, прав был твой закадычный друг,
Ты со мною слаб, будь с другой сильней.

Пусть она на твои слова
О большой любви шепчет, милый мой.
Я в одном права, да в одном права,
Нам не быть с тобой. Нам не быть с тобой.

Не кори себя, не вини за то,
Что не разглядел, то, что впереди.
Провожу тебя и подам пальто.
Только уходи. Только уходи.

Вот последний лист сброшен с ветки вниз –
Осень празднует торжество своё.
Будь самим собой – этой мой каприз.
Нам не быть вдвоём. Нам не быть вдвоём.

* * *

Пусть в глазах тоска, на сердце зима,
На душе скребутся коты.
Не зови меня – я приду сама,
Кину в печь кусок бересты.

А наступит ночь, заметет метель
И дороженьку, и межу.
Я зажгу свечу, расстелю постель,
Ничего тебе не скажу.

Разведу огонь и накрою стол,
Накормлю тебя, напою,
Чтобы во хмелю ты бы стал весёл,
Позабыл кручину свою.

Ты и сам поймёшь, чай, не в первый раз.
Ну, и что с того, что она
Не с тобой, не здесь, а с другим сейчас,
Богом суженая жена?

А на утро снег заискрит поля,
И закапает солнце с крыш.
Я скажу тебе: «Спи, любовь моя!»
Пока ты ещё крепко спишь.

Выйду за порог, тихо скрипнет дверь.
Словно рвётся тонкая нить.
Как же мне одной, без тебя теперь,
Этот долгий день пережить?

* * *

Я срублю тебе дом на тенистой излучине леса.
Ветер ставнями скрипнет, припомнятся детские сны.
Капли сока берёзы, как кровь уходящей весны.
И лишь наши слова не теряют привычного веса.

Поутру – чай из трав, а под вечер сижу на крыльце.
Закурю «Беломор», как какой-то Рокфеллер сигару.
Полыхает закат, словно пламя ночного пожара.
Всё меняя вокруг, только я не меняюсь в лице.

Я порву ткань времён, возвращаясь в начало начал,
Где мой предок стоял над обрывом, незыблем, как камень.
До сих пор не пойму, что случилось с твоими глазами
В тот момент, когда я, так не к месту, небрежно молчал.

Дом, в котором живу, одиноко пригреет свечу.
Гаснет в печке огонь, дым привычно сползает по крыше.
Ты уснула. Шум ветра становится вроде бы тише.
Я бы мог промолчать, и, скорее всего, промолчу.

Будет новый рассвет, будет утро, и будет роса.
Ты умоешься ею, запрокинувши голову в сосны.
Что вчера было рано, сегодня, наверное, поздно.
Всё, что можно – пропето, остались одни голоса.

Тёплый вечер несёт запах солнцем нагретой смолы,
Неизбежна расплата за радость слепого полёта.
Не смотря ни на что, две запущенных в небо стрелы
Упадут поздно ночью в заросшее тиной болото.

* * *

Я начинаю к тебе привыкать,
А ведь ещё две недели назад
Я и не думал, что всё будет так,
И не предвидел заранее.
Прикосновения наши легки,
Слова воздушны и сплетены
В такой причудливый сложный клубок
Необъяснимых желаний.

Дыханье я слышу твоё.
Мы снова летим где-то там,
Где слово не ранит, а лишь
Ласкает и лечит.
Я знаю себя, а тебя лишь помню.
Спасибо тебе, родная,
За всё.

Листает жизнь отрывной календарь
И осыпает осенней листвой
Те дни, что прожили мы с тобой врозь,
Так невзначай, параллельно.
Срывают ливни мишуру с твоих щёк.
Смывают грим с твоей озябшей души.
Мой хриплый голос, пропитой баритон, –
Крест старовера нательный.

* * *

По коридору вверх и налево –
В облаке света небо приблизь мне.
Может на сцене ты королева,
Ну, а как в жизни?

Дверь нараспашку, в мятой рубашке
Вслед за тобою выпрыгну в вечность.
Знаю, когда-нибудь нас и погубит
Наша беспечность.

Нежность изгиба линии тела.
Сломано слово прессом сомнений.
В свете свечей колыхнулись несмело
Две твои тени.

Танец зари – колыбельная ночи.
Шёпот рассвета. Прохладная нега.
Не забывай, заходи между прочим,

Вниз и направо по коридору…
Риск неизбежен, жаль, опыт бесценен.
Может быть в жизни я шут твой придворный,
Ну, а на сцене?

ИГРА

Какая странная игра: разлуки, встречи, расставанья...
В круговороте долгих дней и безысходнейших ночей
Нас закружило, понесло от «до свиданья» до свиданья.
Я знаю то, что ты ничья, ты веришь в то, что я ничей.

Какая странная игра: есть ты, есть я, а остальные
Остались где-то там, вдали, оставив нас с тобой вдвоём,
Есть две потерянных судьбы, есть две непонятых стихии.
Есть смысл жизни, а любовь? – её потом переживём.

Какая странная игра, я правила её не знаю,
Но, обещаю, разберусь, ну, а точнее разберу,
В какую странную игру мы до сих пор с тобой играем.
Хотя, быть может, до сих пор не верим до конца в игру.

Какая странная игра: разлуки, встречи, расставанья...
В круговороте долгих дней и безысходнейших ночей,
Похоже, нам с тобой пора когда-нибудь заняться ей.
Какая странная игра – то ты ничья, то я ничей…

Похоже, нам с тобой пора давным-давно заняться ей.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Парк осенний запорошен
Тающим снежком.
Ты ступаешь за порожек
Тонким каблучком.
Всё когда-нибудь приходит
На круги своя.
И в кольце твоих мелодий
Музыка моя.
Разбитое сердце елеем не склеить,
Дождливую осень не скрасить
Всем золотом листьев.
Мужчина и Женщина – разные звери,
А разным зверям не до поиска истин.

Расставаться и встречаться,
Ждать, любить и жить.
В жизни наших домочадцев
Жизни нашей нить.
Но, всё, когда-нибудь, приходит
На круги своя,
И тонет белый пароходик,
Как печаль моя.
Когда-нибудь ты не откроешь мне двери,
Сожжешь мои песни, рассказы и письма.
Мужчина и Женщина – разные звери,
А разным зверям не до поиска истин.

Мы когда-нибудь отыщем
Нужные слова.
Да, я – третий, пусть я лишний,
Но ты не права.
Ведь, всё когда-нибудь
Приходит на круги своя.
Знаю, ты когда-нибудь
И вспомнишь про меня.

Картины мои не в твоих галереях,
А краски твои позабыли про кисти.
Мужчина и Женщина – разные звери,
А разным зверям не до поиска истин.

Мужчина и Женщина – разные звери,
А разным зверям не до поиска истин.

Мужчина и Женщина – разные звери,
А разным зверям…

2000

* * *

Исходив полжизни вдоль и поперёк,
Много понял я, но больше потерял.
Я ко многим залетал на огонёк,
Но, поверь мне, лишь тебя везде искал.

На обочине дороги в никуда
Отдыхаю я, истерши ноги в кровь.
Омывает мои волосы вода.
Этот дождь и есть, наверное, любовь.

Между мной самим и тем, кем был вчера,
Пропасть жизни, а точней длиною в ночь.
Даже если эта истина стара,
Вера в чудо сможет мне помочь.

Если что-то я и сделаю не так,
Ты, пожалуйста, потом меня прости.
Пусть не гаснет никогда твоя звезда!
Пусть надежда не оставит нас в пути.

* * *

Ах, ты, жизнь моя, – морок и месиво,
След кровавый́, круги по воде.
Как мы жили, как прыгали весело
Карасями по сковороде.
Как мы жили, как прыгали весело
Карасями по сковороде.

Из огня в полымя ледовитые.
Нас прожгло, а иных и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

Ах, ты, жизнь моя, – морок и месиво,
След кровавый́, круги по воде.
Как мы жили, как прыгали весело
Карасями по сковороде.
Как мы жили, как прыгали весело
Карасями по сковороде.

* * *

Мы были с тобою когда-то близки.
Мы были когда-то с тобою.
Разлуки и встречи, ночные звонки,
А после строка за строкою.
Разбухшие письма, черновики,
Дошедшие до адресата.
Мы были с тобою когда-то близки.
Мы были с тобою когда-то.

Мы были с тобою когда-то близки.
Всё было так просто и сложно.
Мы были с тобою когда-то близки
Настолько насколько возможно.

Но время коррекцию вносит свою –
У жизни свои коррективы.
И верность твоя уже нас не спасёт,
И слово «Разлука» курсивом.
Любви напряжение день ото дня
Быстрей́ и быстрей́ убывает,
И ты уже можешь прожить без меня,
И я без тебя выживаю.

Давно я шагами не меряю ночь,
Ловя отраженье в витринах.
И вряд ли мы друг другу сумеем помочь,
И вряд ли уж необходимо
Хвататься за прошлое – мы ведь не прочь
Расстаться спокойно и чинно.
И я назову твоим именем дочь,
А ты – моим именем сына.

* * *

Что бы такого вам спеть мне?
Право, простите, не знаю.
Переживая столетье,
В тридцатилетье вступаю.

Осень закончилась мартом,
Шла из ненастья в ненастье.
Писем краплёные карты
Бьют моё хрупкое счастье.

Сердце схватило под утро –
Словно свиданье с Судьбою.
Мы поступили не мудро –
Мы поступились собою.

Я не ищу с тобой встречи –
Вырвана с корнем страница.
Но почему-то под вечер
Хочется вусмерть напиться.

* * *

Зарастает в изморозь проталина.
Замерзает в полночь водоём.
Знаешь, это всё-таки неправильно,
То, что мы с тобою не вдвоём.

Мы из тех, кому дано немерено.
Нам с тобой и грустно, и смешно.
Если это всё, что нам отмерено,
Значит, было всё предрешено.

Я не открывал в тебе Америки
И не вел своим ошибкам счёт.
Мой паром от берега до берега
Снова мимо счастья проплывёт.

Всё, что не случается – всё к лучшему.
Будем дальше этот крест нести.
Дай те Бог желанного попутчика,
Ну, а мне – счастливого пути.

* * *

Нам было многое дано,
А мы и трети не успели.
Теперь, пожалуй, всё равно.
Поверь, и не пройдёт недели,
Как мы расстанемся, любя.
Я знаю этого немало.
Ты, обернувшись, прошептала:
«Мой милый, береги себя!»

А всё могло быть и не так.
Хотя к чему сейчас об этом.
Я попрошу – какой пустяк –:
«Не задевай во мне поэта!»
Ревниво струны теребя,
На сцене камерного зала
Припомню, как ты прошептала:
«Мой милый, береги себя!»

Как жаль, что мне не привыкать
Жить ощущением полёта.
Быть может, встретимся опять
На старом пожелтевшем фото.
Я, обнимающий тебя,
На фоне рижского вокзала,
Припомню, как ты прошептала:
«Мой милый, береги себя!»

То, что имеем – не храним,
А потерявши – горько плачем.
И, если был тобой любим,
То пожелай же мне удачи.
Жизнь на мгновенья дробя,
Её не повторить с начала.
И вот другая прошептала:
«Мой милый, береги себя!»

Привычкой пагубной губя
Жизнь, в предвкушении финала,
И ты другому прошептала:
«Мой милый, береги себя!»

❊ ❊ ❊

Я помню не всё, но не в силах забыть:
Дрожь прикосновений у самого края.
От мая до мая две жизни прожить –
Стараюсь, пытаюсь, но не успеваю.

Завис над землёю седой небосвод,
С поникших деревьев сентябрь облетает.
От мая до мая всего один год.
И крик журавля в синем небе растает.

Нам будет защитой от разных невзгод
Моя безрассудность, точнее беспечность.
От мая до мая всего один год.
Столетье, эпоха и целая вечность.

.....

От мая до мая остынет земля,
Но мы её снова собою согреем.

* * *

Ветер в голове, пять рублей в кармане.
Благостный июль – середина лета.
Рассекая ночь на катамаране,
Я дождусь с тобой нового рассвета.

Зеркало воды в отражении гулком,
Небо за спиной медленно алеет.
Рассекая ночь, чутким переулком
Мы с тобой идём темною аллей.

Рассекая дни, месяцы, недели,
Я ещё живу. Я ещё надеюсь.
Ветер в голове, пять рублей в кармане.
Ветер в небесах ткёт седую пряжу.
Рассекая ночь на катамаране,
Я ещё не знал, как судьба нас свяжет.

Октябрь 2002

* * *

Не вини меня, родная!
Я и сам не понимаю,
Почему в начале мая
Я какой-то сам не свой.
Жизни линия прямая,
Да судьба моя хромая.
Слуха нет, и слог хромает,
Не дружу я с головой.

Разлетаются осколки.
Уезжаю ненадолго.
Мне уют плацкартной полки
Мягче пуховых перин.
Где-то на исходе лета
Ёкнет сердце у поэта.
Нехорошая примета:
Ты одна, и я один.

Расставания и встречи.
Говорят, что время лечит,
Но оно же и калечит.
Тесен дом, кругла Земля.
Извивается дорога
От порога до порога.
Отступает грусть тревога,
Распускается петля.

Извини меня, родная!
Я сегодня улетаю,
Собралась на Север стая –
В этом некого винить.
Оправдались все прогнозы,
Не печалься, вытри слёзы.
Я вернусь, когда с берёзы
Упадёт последний лист.

Осень 2002

* * *

Небо нахмурилось,
Низкими тучами занесло.
Если по жизни такой невезучий,
«Держи весло!»
В лодке Харона
Осталось не так уж много мест.
Схимник Андрей
Променял на икону блажь ста невест.

Вычурность линии –
Неба дразнящая благодать.
Снова увидится в истинном имени
Зла печать.
Тщетность надежды
Срывает одежды,
И рвётся нить.
Жизнь не растрачена –
Многое надо бы
Пережить.

Переживая, врастаю,
Как в истину,
В небосвод.
Душу очистили
Куньими кистями –
Повезло!
Лет бы на двести
Позднее родиться.
«Держи весло!»

Осень 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Мой календарь с оторванным листком 3
Я буду согрет 4
Посмотри на этот серый небосвод 5
И так рождается звезда 6
Ну, что мне города, когда есть ты 8
Дело тут не в Бетховене 9
Оле-Лукойе 10
Уже не за горами эта осень 12
Автобус. Теснота и толкотня 13
Если честно, то я поражён 14
Первый снег 15
Горела лучина 16
Только слышно да за печкою пиликанье сверчка 17
Тает лето августовской ночи 18
Николаевский вокзал 19
Беспокойное солнце 21
Покой беспристрастен 22
Ты красива, ты желанна 23
С чего начать? Пожалуй, с немоты 24
Я улетаю. 25
Я болен тобою одной 26
Монолог Мастера 28
В наш меркантильный век 29
Ты потом не могла не понять, не забыть, не простить 30
Романс (Когда придёт пора раздать долги) 31
Когда мне будет тридцать три 32
Сомневаюсь, а как же иначе 33

Незваным гостем в этом доме 34
Сосны 35
Янтарные капли (Вчерашние щи) 36
Купеческий квартал 37
Льдинка 38
Покидая этот город, расстаюсь с прошедшим летом 39
С одним появляешься в свете 40
Я глаза твои целую 42
Есть ты, есть я… 43
Ассоль 44
Диалог Грея и Ассоль 45
А «Грей» в переводе с английского – серый 46
И всё, что мы приобрели 48
Чайки крик над волной 49
Ты говоришь, что так нельзя 50
Ну вот и всё. Ушёл корабль. 51
Снился мне сон ноченькой осеннею 53
Зимний ветреный джаз 54
Так по жизни и скитаюсь я 55
Выйду на дорогу 56
Гондольеры 57
Без тебя этот город так пуст и нелеп 58
Вот в принципе всё 59
Весна 60
Давай уедем отсюда 62
Наши дети 63
Колыбельная 65
Времечко 66
Созвездие плеяды 68
Когда погибнет моё тело 70
В какую бездну окунулся я 72

Быть самим собой так нелегко 73
Разорвать порочный круг 74
Кошки 75
Эвридика 77
Королева 78
Маэстро Штраус 79
Без тебя 81
Лодочная станция 82
Лодочная станция (Спустя четыре года) 83
Посвящение поэтам (Четыре туза) 84
Какое это всё же чудо 86
Не жалей меня, всё, как есть, скажи 87
Пусть в глазах тоска 88
Я срублю тебе дом на тенистой излучине леса 89
Я начинаю к тебе привыкать 90
По коридору вверх и налево 91
Игра 92
Мучина и женщина 93
Исходив полжизни 95
Ах, ты, жизнь моя, – морок и месиво 96
Мы были с тобою когда-то близки 97
Что бы такого вам спеть мне? 99
Зарастает в изморозь проталина 100
Нам было многое дано 101
Я помню не всё 103
Ветер в голове 104
Не вини меня, родная! 105
Небо нахмурилось 107

АНДРЕЙ КОРОБОВ. МОНОЛОГ